

ШАКЬЯМУНИ (БУДДА)

(623 — 544 до н. э.)

Основатель буддизма

На северо-западе от царства Кошала, между непальскими предгорьями Гималаев и средним течением реки Рапти, на восточном берегу незначительной речки Рохини, притока Рапти, находилось небольшое царство Капилавасту с главным городом того же имени. Оно лежало на плодородной равнине, орошаемой бесчисленными речками и потоками, стекавшими с вершин Гималаев.

Этим незначительным царством владел род Шакьев, еще в древние времена эмигрировавший сюда с дельты Инда.

Цари Шакьев, гордость которых вошла в поговорку, вели свою генеалогию от царя Икшвакулы, сына законодателя Ману, и в числе своих предков насчитывали даже одного святого мудреца по имени Готама. От него они приняли свое фамильное прозвание Гаутама (Гаутама значит «происходящий от Готамы»,

«готамид»).

Страна Шакьев, управляемая мудрыми и справедливыми царями, достигла очень высокой степени благосостояния и процветания. Главное ее богатство составлял рис, в изобилии произраставший на плодородных полях страны с ее богатым естественным орошением.

В стране среди великолепных бальзаминных лесов всюду пестрели желтые поля риса. Многочисленные селения лежали среди этих полей, скрываясь в темной зелени магнолий и тамаринд. Бесчисленные торговые пути пересекали это царство и благодаря постоянному приливу караванов еще более увеличивали ее благосостояние и богатство.

Во второй половине VI века до н. э. в этом благословенном уголке земного шара правил славившийся своей справедливостью

царь Шуддходана. «Царь закона, он управлял по закону. В стране Шакьев не было ни одного царя, более почитаемого и уважаемого всеми классами его подданных», – говорят про него летописи.

Первая, главная жена Шуддходаны обладала необыкновенной физической красотой и выдающимися нравственными и умственными качествами. За красоту ее прозвали Майя, что значит «призрак», «иллюзия».

В 623 году до н. э. у Майи родился сын, ребенку дали имя Сирватасиддхартха, сокращенно Сиддхартха, что значит «совершенный во всех вещах».

При его рождении один отшельник по имени Асита предсказал, что новорожденному предстоит в будущем высокая судьба быть властелином всего мира, если он выберет светскую жизнь, или «совершенным, великим» Буддой, если он отречется от мира. Предсказание это Асита сделал на основании найденных им на теле новорожденного 32 главных знаков и 80 второстепенных, характеризующих, по народным воззрениям, великого человека.

Предсказание Аситы произвело сильное впечатление на родителей Сиддхартхи и послужило источником тревог и беспокойства для честолюбивой души Шуддходаны.

Мать Сиддхартхи умерла через семь дней после рождения сына.

Когда минул детский возраст, молодого царевича стали обучать различным искусствам и наукам; он быстро усваивал все, чему его учили, и вообще обнаружил блестящие способности как к умственным, так и физическим упражнениям. Отец отделил ему часть своих владений, окружил его блистательным двором и построил для него три великолепных дворца, по числу трех сезонов климатического года Индии – летнего, зимнего и осеннего. Сиддхартха жил в этих дворцах в обществе своих сверстников, сыновей знатнейших фа-

милий страны.

Когда Сиддхартхе шел шестнадцатый год, отец решил женить его и выбрал ему в супруги дочь удельного шакийского князя Сопрабудды, красавицу Ясодхиру.

Но прежде чем сделаться супругом прекрасной Ясодхиры, царевич должен был по древнему арийскому обычаю выдержать состязание на турнире со всеми претендентами на руку Ясодхиры.

Состязание это обыкновенно состояло в стрельбе из лука, в плавании, верховой езде и других гимнастических упражнениях, требующих ловкости и силы.

Царевич вышел победителем из этого состязания.

Кроме Ясодхиры, у Сиддхартхи впоследствии были еще две жены и несколько наложниц из бывших при его дворе девушек, танцовщиц и музыкантш. Вторую жену его звали Гопа, и, по преданиям, она принадлежала не к касте кшатриев, как того требовал закон, а к касте шудр – отец ее был брадобреем.

При выборе второй жены Сиддхартха просил, чтобы ему нашли невесту, отличающуюся умственными и нравственными качествами, не обращая внимания на ее происхождение. Черта очень характерная и вполне допустимая в будущем отрицателе кастовых предрассудков.

Окруженный любящими женами и преданными придворными, Сиддхартха прожил в своих роскошных дворцах, предаваясь всевозможным удовольствиям и наслаждениям, до 29-летнего возраста.

На 29-м году жизни в царевиче произошел резкий нравственный перелом, в силу которого он решил оставить прежний образ жизни и отдаться новому.

Когда произошел в нем этот нравственный кризис и какие причины побудили его принять это решение, достоверно решить нельзя. Буддийские легенды объясняют это решение

так: царь Шуддходана боясь, чтобы царевич действительно не сделался отшельником, как предсказал ему Асита, старался держать сына вдали от всего, что могло бы внушить ему мысль о несчастиях и бедствиях, наполняющих этот мир, и царевич до 29 лет прожил в полнейшем неведении о зле и печали, о смерти и страданиях, и даже о старости и болезнях. Но вот, прогуливаясь однажды в сопровождении своего верного возничего Чанна в садах, окружавших его дворцы, он случайно встретил согбенного бременем лет старика, худого, с выступающими наружу жилами, с выпавшими зубами, все члены старика дрожали, и от слабости он едва мог говорить.

Пораженный никогда не виданным до сих пор зрелищем, Сиддхартха с удивлением спросил Чанну, что это за странное существо. Чанна ответил ему, что это старик... «Что же, он и родился в таком виде и такое состояние есть принадлежность его рода?» – продолжал спрашивать царевич. «Нет, – отвечал Чанна, – когда-то и он был так же юн и цветущ, как и ты!»

Царевич, все более и более удивляясь, продолжал задавать вопросы возничему. «Существуют ли еще подобные люди, и каким образом они доходят до такого жалкого положения?» – говорил он. Чанна отвечал, что таких людей очень много и что уж таков порядок вещей, что люди стареют и дряхлеют, если не умирают молодыми. «Так же и я, Чанна?» – спросил в заключение царевич. «И ты, господин», – ответил ему возничий. Эта встреча произвела на Сиддхартху сильное впечатление – вся красота окружающей его природы потеряла для него всякое значение, и, погруженный в глубокое и печальное размышление, он возвратился домой. Не успело заглохнуть в душе Сиддхартхи впечатление первой встречи, как вторая, случившаяся также во время прогулки, еще более открыла глаза царевичу на так тщательно скрываемую от

него мрачную сторону человеческой жизни. Он увидел человека, больного проказой, все тело несчастного было покрыто язвами и ранами, а в скором времени после этой встречи он увидел похоронное шествие. Когда ему объяснили значение и этих непонятных для него явлений болезни и смерти и сказали ему, что болезнь и смерть есть удел каждого человека и они не щадят никого, он воскликнул: «О горе, к чему же служат царский блеск, роскошь и удовольствия, если они не могут предохранить человека ни от старости, ни от болезни, ни от смерти?! Как несчастны люди! Неужели нет никакого средства прекратить навсегда страдание и смерть!» Одним словом, эти три случая открыли глаза царевичу и произвели на него глубокое впечатление. Он увидел, что в этом лучшем из миров не все так прекрасно, как ему казалось до сих пор. Он убедился в ничтожестве удовольствий молодости и утех жизни, обманчивых и скоропреходящих, он увидел суетность всех забав и наслаждений, которым он так страстно предавался, и покинул их. Он стал размышлять о зле, наполняющем мир, о несчастной судьбе человека, подверженного болезням, старости и смерти. Все его помыслы были устремлены к решению вопроса, как избавить мир от зла, и, наконец, четвертый случай – встреча с покинувшим все земные блага отшельником, поразившим его достоинством, сосредоточенным спокойствием своего вида, – указал ему путь, по которому, как он думал, всего легче возможно было достичь решения мучивших его вопросов.

Он решил покинуть свои дворцы, жен, сына, только что родившегося у него, и удалиться в уединение, чтобы там обдумать причины зла, смущающего людей, и найти средство если не уничтожить это зло, то, по крайней мере, смягчить его.

Это решение, разрушая честолюбивые замыслы и надежды, возлагаемые Шуддходаной

на своего наследника, не могло понравиться ни царю, ни всему гордому роду Шакьев, которые относились к отшельникам с крайним пренебрежением и презрением и нисколько не уважали их. «Нельзя и требовать этого уважения, – говорил впоследствии Шакьямуни, – от потомков Кшатрия, благородного и высокого рода».

Царь всеми доступными ему средствами пытался отклонить Сиддхартху от принятого им решения. Он окружил его еще большим великолепием, приказал развлекать его танцами, пением, играми, надеясь, что эти средства отвлекут царевича от гнетущих его мозговых мыслей и он забудет о них.

Но несмотря ни на что царевич остался непреклонен и в одну ночь, после роскошного празднества, тайно покинул дворец, сопровождаемый только своим верным Чанной. На своем любимом коне Кантаке скакал он в продолжение целой ночи и только на рассвете остановился на берегу реки Аномы, в окрестностях города Кумнигары, в стране Маллава. Здесь он отдал свои драгоценности и коня слуге и отправил его обратно в Капилавасту.

Прибыв в окрестности города Кушинагары, он прежде всего обменялся со встретившимся ему нищим своим царским одеянием, оставив для себя только желтый охотничий плащ, который он постоянно носил (желтый цвет был присвоен в Индии одежде членов царских фамилий), и обрезал свои длинные волосы (тоже знак высокого и благородного происхождения).

Он пробыл в окрестностях Кушинагары семь дней, обдумывая, куда направить ему дальнейший путь, и наконец решил направиться к городу Раджагрихе. Сиддхартха, конечно, слышал об отшельниках, живших вблизи этого города и славившихся своей мудростью.

Прибыв сюда, он сперва вступил в общество произвольных тружеников и сделался

превращенкой (так назывались люди, покидавшие мир с душеспасительной целью) под именем аскета Гаутамы.

Под руководством тружеников он усердно принялся изнурять свое тело жестокими истязаниями, с величайшим терпением переносил зной полуденного солнца и холод тропических ночей, бури и дожди, голод и жажду, и вообще все, что предписывалось правилами аскетизма для умерщвления плоти, но в конце концов увидел, что все эти истязания нисколько не приближают его к желанной цели; он убедился в их бесплодности, и пыл к аскезе охладил в нем; он покинул общество произвольных тружеников и перешел к созерцателям, последователям философии Сапкхьи.

Во главе созерцателей в то время стояли два брамина – Алара и Уддаха. Известно, что все усилия созерцателей устремлены были к достижению бесстрастия: они думали, что достигнут совершенства, приучая душу к твердому и безмятежному покою.

Спокойный образ жизни созерцателей очень понравился Сиддхартхе, и он решил пробить среди них возможно долгое время. Под их руководством царевич постепенно стал усваивать метод их усовершенствования; он прошел все степени символической лестницы мистических созерцаний, с помощью которых постепенно умиротворял свой дух, научился освобождать его от чувственных волнений и мыслей, предохранять его от влияния внешних впечатлений и водворять в нем непоколебимый покой.

Целые дни проводил Сиддхартха в бездействии, с наслаждением погружаясь в мечтательный мир, и так полюбил это занятие, что не оставлял его в продолжение всей своей жизни.

Но и учение созерцателей не удовлетворило Сиддхартху; он не мог согласиться с главным принципом их учения, что душа созерцателя, его «я», восходя по степеням созерца-

ния, остается неизменной, и что в самых высших самопогружениях, когда прекращается всякая деятельность и всякое движение в душе, «я» могло также существовать.

Поэтому он покинул и созерцателей и решил в одиночестве совершить труд предварительного подвижничества.

Он направился на юг Магадхи и поселился в окрестностях города Гаи, в лесу, вблизи деревни Урувелы. Здесь он в полном уединении с большей страстью стал предаваться столь любимым ему созерцаниям.

В одно из подобных самосозерцаний Сиддхартха, наконец, нашел разрешение всех мучивших его ум и совесть вопросов, разрешение, которое он тщетно искал до сих пор. Он понял, наконец, и разгадал тайну страданий, – удручающих человека; он нашел и средство к избавлению его от этих страданий.

С этого времени Сиддхартха-Гаутама сделался Буддой, т. е. просвещенным, а со временем его восторженные поклонники совместили в нем все совершенные нравственные, умственные и физические качества, какие только возможно допустить в человеке. Сам новоявленный Будда не думал так высоко о себе, но, тем не менее, был глубоко убежден в верности и основательности открытых истин и надеялся, что с помощью их ему удастся искоренить предрассудки и заблуждения рода человеческого. Он смотрел на себя только как на единственного и общего руководителя в духовной жизни и мудрого наставника в изыскании истины. Рассмотрев всесторонне озарившую его идею, Шакьямуни выработал свой собственный взгляд как на философию, так и на аскетику, и составил новое учение, значительно отличавшееся от существовавших при нем философско-религиозных систем.

Легенды повествуют, что Шакьямуни долго обдумывал вопрос, должен ли он возвестить достигнутое им с таким трудом знание человечеству, скованному цепями неведения

и греха, или нет, и что, наконец, движимый состраданием к страждущему миру, решил возвестить ему свое учение.

Учение свое Шакьямуни разделил на три части; теорию, или догматику, нравственность, или аскетику, и практику, или созерцание. По своей сущности учение Шакьямуни являлось собственно логическим выводом из учения браминов и выделившейся из брахманства философии Санкхьи. Его учение также проникнуто мыслью, общей всем индусам и не чуждой всем вообще людям в известные моменты душевного состояния, о ничтожестве жизни и о том, что род человеческий обречен на страдания.

Но этим сходство и ограничивается.

В дальнейшем развитие учения Шакьямуни является вполне самостоятельным и несогласным с догматами браминской теологии. Шакьямуни совершенно отрицал браминский центр бытия, мировую душу, Брахму; он понял, что сущность бытия браминов – не что иное, как отвлеченное представление, пустота, и что на самом деле существуют только мелкие явления, не имеющие никакой устойчивости, подвергнутые вечному изменению.

Отсутствие постоянства в мировой и земной жизни составляет одну из максим учения Шакьямуни и, по его мнению, есть величайшее из всех зол, – это «огонь, пожирающий весь мир».

Слова его, когда он касался этой максимы, поражают своей безнадежностью и горьким, печальным тоном. Он говорит: «Сложное должно рано или поздно распасться, родившееся – умереть. Явления исчезают одно за другим, прошедшее, настоящее и будущее уничтожаются, все преходящее, над всем закон разрушения. Быстрая река течет и не возвращается, солнце безостановочно совершает свой путь, человек переходит из предшествовавшей жизни в настоящую, и никакие силы не в состоянии возвратить его прошед-

шую жизнь. Утром мы видим какой-нибудь предмет, к вечеру уже его не находим. Зачем гнаться за призрачным счастьем? Иной стремится изо всех сил достигнуть его в настоящей жизни, но тщетны его усилия; он бьет палкой по воде, думая, что, расступившись, вода останется в таком положении навсегда. Смерть властвует над всем миром, и ничто, ни воздух, ни моря, ни пещеры, никакое место во вселенной не скроет нас, ни богатства, ни почести не защитят нас от нее; все земное должно рассеяться, исчезнуть. Перед смертью все равны – богатый и бедный, благородный и низкий; умирают и старые, и молодые, и люди средних лет, младенцы и даже зародыши в утробе матери; умирают все без разбора и срока. Мы идем к смерти прямой и верной дорогой. Тело человека, произведение четырех стихий, есть сосуд, распадающийся на части при первом сильном толчке. В течение всей жизни оно служит источником страстей, волнений и мучений. Наступает старость, а вместе с ней являются и болезни, – старик мечется в предсмертных судорогах, как живая рыба на горячей золе, пока, наконец, смерть не кончит его страданий. Жизнь то же, что созревший плод, готовый упасть при первом порыве ветра; каждое мгновение мы должны опасаться, что течение ее прекратится подобно тому, как прекращаются гармонические звуки арфы, когда струны ее лопаются под рукой музыканта».

Но и смерть не освобождает человека от мира страданий и постепенного изменения, – он вновь возрождается к новой жизни и вновь умирает, и так без конца вращается колесо перерождений, и от этого круговорота есть одно только прибежище и защита – нирвана. К нирване должен стремиться всякий, кто хочет освободиться от мира страданий; к ней должны быть направлены все помыслы человека – она возжеленная цель для всех людей. «Нирвана – это вода жизни, утоляющая жаж-

ду пожеланий, это лечебница, врачующая от всякого рода страданий».

«После беспрестанного круговорота в бесчисленных формах существования, после бесчисленных перемен состояний, после всех трудов, беспокойств, волнений, страданий, неразлучных с переселениями души, мы, наконец, свергаем с себя узы страстей, освобождаемся от всякой формы существования, времени и пространства и погружаемся в покой и безмолвие, в убежище от всех печалей и страданий, в ничем не нарушимое благополучие – нирвану».

Итак, Шакьямуни, придя к убеждению, что всякое бытие есть страдание, учил, что для уничтожения страдания должно уничтожить самое бытие, разрушить его до основания, «погасить в нирване».

Но каким же образом можно было достигнуть этого состояния совершеннейшего покоя? Познанием четырех высоких истин, открытых Шакьямуни и лежавших в основании его учения, – истины страдания, истины происхождения страдания, истины уничтожения страдания и истины о пути, ведущем к уничтожению страдания.

Познанием этих истин можно достигнуть вечного покоя, мудрости, просвещения, нирваны, т. е. такого душевного состояния, когда уничтожается всякая жажда бытия и исчезают все страсти, – состояния, которому ничто не соответствует в мире, оно выше всякой деятельности, в нем существо, отрешенное от всякого движения жизни, погружается в совершеннейший душевный покой, и наоборот, неведение, незнание этих истин служит источником всех зол жизни. Кроме познания этих четырех истин, люди для достижения нирваны должны были освободиться еще от следующих «десяти цепей», приковывающих их к существованию: во-первых, от заблуждения, что «я», индивидуальность или душа неизменны; во-вторых, от сомнения в

том, что существует путь к освобождению от перерождений; в-третьих, от убеждения в том, что разные религиозные обряды – молитвы, жертвы, почитание религий и прочие обряды и церемонии – ведут к спасению; в-четвертых, от чувственных страстей и желаний; в-пятых, от ненависти и недоброжелательства к своим близким; в-шестых, от любви к земной жизни; в-седьмых, от желания будущей жизни на небе; в-восьмых, от гордости; в-девятых, от высокомерия и, наконец, в-десятых, от неведения. Познавший четыре истины спасения и освободившийся от «десяти цепей», по учению Шакьямуни, мог достигнуть последней степени нравственного совершенства, совершенства Будды и вместе с тем нирваны. Низшие степени совершенства, присущие людям, не вполне познавшим истину и освободившимся от 10 цепей, но близко стоявшим к достижению совершенного познания, давали этим людям знания архатов (высшая степень) и анагаминов (низшая степень).

Но этого совершенства может достичь незначительная часть людей, а именно, те, которые решатся покинуть мирскую жизнь; большая же часть, преданная суетной мирской жизни, не в состоянии достичь совершенства, а может только, в зависимости от свершенного, улучшить или ухудшить свою будущую жизнь и, следовательно, приблизить или удалить блаженную минуту вечного успокоения в нирване, и только в редких случаях и при особенно благоприятных условиях человек, ведя мирской образ жизни, мог достичь степени анагамина.

Всякое существование зависело от дел, добрых или злых, совершенных в предыдущие рождения. Сумма дел, совершенных существами, поддерживала существование вселенной со всеми ее степенями и разрядами, а качество дел определяло для существа будущую форму рождения. Кто совершал злые дела, за тем следовало страдание, как «колесо

следует за шагом вьючного животного», кто же творил добрые дела, за тем следовали счастье и блаженство «подобно тени, никогда его не покидая».

Этот закон воздаяний обуславливался моральным порядком вещей (кармой), законом связи причины и следствия.

Учение Шакьямуни сильно разнится от учения браминов.

Отрицая бытие Брахмы, к которому все сводилось в брахманстве, Шакьямуни вместе с тем отвергнул и первобытный идеалистический пантеизм (он не признавал чем-то неизменным ни остальные существа, ни само божество) и все источники браминского религиозного учения – Веды с их объяснениями, всю браминскую теологию с ее запутанной, софистической диалектикой, с ее многообразной обрядностью и жертвоприношениями.

Расходясь с большей частью принципов браминского учения, Шакьямуни расходился в то же время и с воззрениями других, современных ему философских школ Индии. Особенно сильно напал он на учение о существовании неизменной души, неизменного положения, принятого почти всеми философскими школами того времени. Шакьямуни, как мы знаем, признавал в душе творческую силу, она может нисходить до степени души существа животного и даже растительного царства и уничтожиться в нирване, смотря по заслугам. В этом заключалась догматическая часть учения Шакьямуни.

Перейдем теперь к его аскетике или нравственности. Вместо продолжительных, тяжелых покаяний и жестоких истязаний браминов, Шакьямуни ввел мягкий аскетизм, выражавшийся, главным образом, в соблюдении нравственной чистоты.

Шакьямуни установил, что желающий спастись должен соблюдать следующие правила: охранять жизнь всякого живого существа и не причинять ему никакого зла, уважать чужую

собственность, быть целомудренным, правдивым, воздержанным в питье и еде (Шакьямуни запрещает пить спиртные напитки и советует принимать пищу в определенное время дня и, по возможности, раз в день), удаляться от всех светских удовольствий и развлечений, а также воздерживаться от разного рода украшений, мазей и т. п. Вот все правила аскетике, которые считал Шакьямуни за необходимые для достижения возрождения при благоприятных обстоятельствах и которые он преподавал своим светским последователям.

От своих учеников он, кроме исполнения этих правил, требовал еще соблюдения двух следующих: 1) спать на жестком и низком ложе и воздерживаться от мясной пищи и 2) жить в добровольной бедности.

Отсюда мы видим, что Шакьямуни, ясно сознавая, что не все люди способны отрешиться от мира и достигнуть нирваны, попытался дать им нравственные правила, стремящиеся сделать более сносными невзгоды обыденной жизни, и внушить людям живое и искреннее сострадание к их ближним и тем смягчить по крайней мере их горести и печали.

Он не оставил людей, неспособных отрешиться от мирской суеты, их собственной судьбе, подобно своим предшественникам по философии. Он учил; что каждый человек, стремясь уменьшить тяжесть неизбежного зла для себя, должен стараться и для себе подобных и вообще для всех одушевленных существ; что люди должны быть кроткими, снисходительными, сострадательными и делать все, что возможно для облегчения участи других ввиду своего собственного благополучия; советовал не предаваться скорби о своих собственных бедах, но заботиться о других людях. Он говорил, что следует быть щедрыми, давать милостыню и творить дела милосердия, доставлять пропитание бедным, заботиться о больных.

Одна древняя надпись гласит: «Воздерживайся от всякого зла, твори добро, обуздывай свои мысли», – в этих немногих словах, можно сказать, заключается весь смысл учения Шакьямуни о нравственности, или аскетике.

Шакьямуни преследовал только одну цель – цель спасения человечества путем его нравственного улучшения. В древнейших легендах и в духовных буддийских книгах, где приводятся изречения Шакьямуни, не встречается ни одного возражения против существования каст; напротив, он смотрит на это учреждение как на установившийся факт, которого он и не думал изменять; он не проповедовал общественного равенства, но провозгласил его начало – равенство религиозное. Брамины считали науку благочестия, спасения как бы своей наследственной собственностью; прочие касты были принуждены исполнять только внешние обязанности, духовную пищу они получали от браминов, а достигнуть спасения могли, только возродившись в касте браминов. Напротив того, Шакьямуни призывает людей всех каст пользоваться духовной жизнью и всем обещает спасение за благочестивую жизнь. Мы видели, что основатели других школ уже положили начало этому делу, нападая на предписанные браминами правила как на совершенно бесполезные, и один из них (Капила) сделал для каждого доступным имя аскета, которое до него было почти исключительным правом брамина. Шакьямуни пошел далее – он всех людей призывал к равенству духовной жизни и таким образом признавал между различными кастами духовное равенство, и религию и благочестие сделал не преимуществом одной какой-либо касты, но правом, добродетели, знания и заслуги.

Эти принципы хотя и не были направлены непосредственно против системы каст, но все-таки значительно ее потрясли; главным же образом они были направлены против касты браминов. В одной из древних легенд говорится:

Эти принципы хотя и не были направлены непосредственно против системы каст, но все-таки значительно ее потрясли; главным же образом они были направлены против касты браминов. В одной из древних легенд говорится:

«Брамин не отличается так, как камень отличается от золота или свет от мрака. И в самом деле он не произошел ни из эфира, ни из ветра – он, как и чандала, родился от женщины. Почему же один должен быть благородным, а другой нечистым? Ведь и брамина по смерти покидают, как презренную и нечистую вещь; с ним в этом отношении происходит то же, что и с людьми других каст. Где же различие?»

Шакьямуни редко вообще произносил длинные речи, что было результатом его долгой отшельнической жизни, большая часть которой прошла в безмолвном созерцании; в большинстве случаев он высказывал свои поучения в кратких, но сильных афоризмах (сутры), украшая их поэтическими сравнениями и аллегориями. Своим афоризмам он часто придавал числительную форму, что сильно облегчало их запоминание. Вот, например, один из его афоризмов: «Три печати моего учения – всякое явление скоротечно, ни в чем нет постоянства, нирвана есть покой». Учил Шакьямуни преимущественно на тех туземных наречиях, которые он знал в совершенстве, – магадхском, тамильском (ныне дровирское) и млечча.

Итак, Шакьямуни после долгих колебаний решил возвестить миру открытое им учение. Для этой цели он опять вернулся в покинутый им свет.

Но начало его учительской деятельности было неудачно – его ждало горькое разочарование: вместо ожидаемого успеха он встретил только насмешки и презрение. Когда в первый раз он выступил в городе Варанаси с публичной проповедью об открытых им истинах избавления от страданий, многие из слушавших его громко выражали сомнение в здравости его умственных способностей и говорили, что «царский сын сошел с ума». Между прочим, в

Варанаси он встретил своих родичей и хотел на них испытать силу своего учения и красноречия. Но и родичи ответили ему насмешками и укоряли его в непостоянстве и легкомыслии, с каким он изменил свою жизнь, уйдя в отшельничество. Они доказывали ему, что у него еще нет ни необходимого авторитета в деле проповеди, ни опытности, какими обладают другие философы.

Действительно, Шакьямуни совершенно терялся среди массы философов различных школ и отшельников, бродивших, поучая и нищенствуя, по стране и имевших большей частью своих учеников и последователей среди народа.

Народ не отличал его от этих нищенствующих философов, и когда последние из опасения найти в новом философе опасного соперника, способного внушить народу недоверие к ним и лишить их, таким образом, средств к существованию, стали преследовать его, – народ недоумевал и спрашивал: «Чего вы хотите от него? Разве он не такой же нищий, как и вы?»

Одному, без последователей, Шакьямуни трудно было выделиться из толпы отшельников и бороться с влиянием других философов, более опытных и пользовавшихся известностью и уважением в народе.

Неудачное начало общественной деятельности* заставило Шакьямуни обратить внимание на шаткость своего положения.

Он стал приискивать средства, с помощью которых он мог бы подействовать на общественное мнение, и нашел, что самым лучшим средством будет приобретение возможно большего числа последователей.

Для достижения этого он решил склонить к принятию своего учения кого-нибудь из наиболее известных, имевших своих уче-

*По некоторым легендам, Шакьямуни удалось во время его пребывания в Варанаси сделать последователями своего учения пятерых аскетов, бывших его товарищами в прежние времена.

ников и последователей философов.

Выбор его пал на аскета Кашьяпу.

Поселившись невдалеке от Кашьяпы, он терпеливо и осторожно старался заслужить внимание знаменитого анахорета. Он оказывал ему знаки внимания и разнообразные услуги, простер свою угодливость даже до того, что разводил огонь на жертвенниках при поклонениях Кашьяпы. Когда к Кашьяпе стекались пилигримы, Шакьямуни постоянно удалялся на другой берег Нираньжары и жил в уединении, пока последователи Кашьяпы были при своем учителе. Когда они удалялись, он вновь возвращался к Кашьяпе.

Шакьямуни поступал так, чтобы отклонить тень всякого подозрения со стороны Кашьяпы и показать ему, что он вовсе не имеет намерения подрывать его авторитет учителя и доверие к нему его последователей.

Подобным поведением он постепенно приобрел доверие и дружбу Кашьяпы. Дружеские отношения философов еще более окрепли, когда Кашьяпа спас жизнь Шакьямуни во время переправы вброд через реку Нираньжары. Тогда в разговорах и беседах Шакьямуни начал постепенно оспаривать воззрения Кашьяпы и доказывать ему их несостоятельность. Наконец, цель его была достигнута.

Кашьяпа, а вместе с ним его ученики, признали учение Шакьямуни истинным и сделали его учениками. За Кашьяпой последовали и его братья.

Таким образом, Шакьямуни разом встал во главе шестисот учеников и теперь мог смело еще раз попытаться возвестить миру открытое им учение.

Когда же Шакьямуни явился во главе многочисленных учеников, то в народе распространилась молва, что он намерен приобрести сан Чакравартина, т. е. монарха всей Индии.

Слух этот дошел до Раджагрихи и возбудил здесь некоторые опасения. Поэтому Шакьямуни тотчас же по прибытии в окрестности

Раджагрихи поспешил в город и здесь прежде всего постарался опровергнуть слух о своих мнимых политических замыслах. Он публично заявил, что житейские страсти уже давно покинули его сердце и что мирская слава не есть удел анахорета. Когда Шакьямуни явился к Бимбисаре, последний принял его благосклонно. Внимание царя имело для Шакьямуни очень важные последствия. Один из придворных по имени Коланда, видя милость царя к Шакьямуни, подарил философу загородную бамбуковую рощу, которую он сначала отдал было отшельникам школы Ниргронта. Он принудил последних отказаться от дара и передал рощу во владение Шакьямуни. Эта роща называлась Велувана. В ней находились раскинутые в разных местах дома, беседки, кладовые, окруженные прудами и скрывающиеся в чаще душистых магнолий и зонтичных пальм, одним словом, здесь было готовое и удобное помещение для Шакьямуни и его учеников.

При таких благоприятных обстоятельствах случилось второе вступление Шакьямуни на поприще учительской деятельности. О продолжении этой деятельности сохранилось мало достоверных сведений.

Большинство сказаний о жизни Шакьямуни переходят от времени его прихода в Раджагриху прямо к повествованию о последних событиях из его жизни.

Впрочем, одно из этих сказаний передает, что Шакьямуни вскоре после прибытия в Раджагриху узнал, что отец его находится при смерти и, предчувствуя близкую кончину, выразил желание видеть сына. Шакьямуни, все еще сохранивший нежную привязанность к своему отцу несмотря на долгую разлуку, поспешил отправиться в Капилавасту, покинутый им двенадцать лет тому назад. Он застал отца уже на смертном одре. Жители города и окрестных селений, пораженные грозившей им потерей, толпились у

ворот царского дворца, и когда Шакьямуни вошел в город, то прежде чем достичь дворца, пробивался сквозь плотную толпу людей, бывших некогда его подданными. Многие из них, узнав царевича, не могли воздержаться от слез, видя его в нищенском одеянии. С трудом проникнув во внутренние покои дворца, все обитатели которого были в большом смятении, Шакьямуни подошел к умирающему. Царь слабым голосом приветствовал сына и просил, чтобы Шакьямуни прикоснулся рукой к его пылающей голове. Шакьямуни высвободил руку из-под плаща и, приложив ее к пылающему лихорадочным жаром лбу больного, держал ее в таком положении, пока тот не умер. Пока умирающий находился еще в полной памяти, Шакьямуни в утешение ему говорил о высоких истинах избавления от страданий. Шакьямуни пробыл в Капилавасту все время, пока длились похоронные церемонии. Когда труп усопшего был возложен на костер, Шакьямуни сам подложил огонь и по окончании сожжения сказал: «Ничего нет вечного на земле, ничего нет твердого, жизнь проходит, как призрак, как обманчивое видение».

Затем он покинул Капилавасту.

Буддийские сказания утверждают, что жизнь Шакьямуни протекла спокойно, что он беспрепятственно разбрасывал по стране семена своего спасительного учения.

Но с этим нельзя согласиться. Существуют некоторые факты, показывающие, что жизнь его была полна тревог и огорчений и что только его личный характер и приобретенные им из среды царей и вельмож могущественные покровители ограждали его честь и безопасность.

Тем не менее покровительство сильных мира сего не спасло Шакьямуни от преследований врагов.

Шакьямуни уже при первом своем вступлении на арену учительской деятельности был встречен недружелюбно со стороны предста-

вителей браминизма и разных философских школ, подвизавшихся на том же поприще. Когда же он стал во главе многочисленных учеников и приобрел сильных покровителей, недружелюбное отношение к новому философу обратилось в открытую вражду. Мотивы вражды были очень разнообразны: здесь играли роль и принципы нового учения, поражавшие своей оригинальностью и новизной, и опасения потерять своих последователей, и, наконец, то обстоятельство, что Шакьямуни, хорошо изучивший нравы и обычаи большинства этих философов во время отшельнической жизни, относился к ним с величайшим презрением.

Антагонистами, оспаривавшими начала учения Шакьямуни, являлись большей частью представители эпикурейской школы Локаятика и некоторых других философских школ. Первые защищали самослучайность, вторые – преимущественно неизменность души в человеке и в мире. Шакьямуни часто вступал в спор и большей частью оставался победителем.

Но одними диспутами дело не ограничивалось, антагонисты Шакьямуни прибегали и к интригам в надежде уничтожить соперника. Благодаря этим интригам некоторыми царями были изданы грозные эдикты, направленные против нового учения. Интригам же браминов приписываются легендами и исключения из браминской касты тех ее членов, которые ходили слушать поучения Шакьямуни.

Последнее обстоятельство показывает, что и в среде браминов находились последователи Шакьямуни. Действительно, брамины при Шакьямуни не представляли цельного и сплоченного общества, которое могло бы единодушно защищать свои интересы. Как известно, некоторые из браминов отвергали принципы браминской теологии и составляли свои системы теолого-философии, другие же были заняты чисто светскими обязанностями и ма-

ло обращали внимания на религиозные вопросы, занимая важные государственные места министров или правителей княжеских уделов с правом жизни и смерти и правом собирать подати с подведомственных им владений.

Вследствие этого главными соперниками и врагами Шакьямуни из браминов являлись те, которые по роду жизни и питания могли опасаться обличений Шакьямуни, который мог отнять у них хлеб. Этим браминов Шакьямуни называл бродячими и уклонившимися от первоначального рода жизни. Они назывались «изучающими Веда», потому что верили и следовали тому, чему учили их письменна и устные предания, заключавшиеся в Ведах. При Шакьямуни они, впрочем, ограничивались изучением в Ведах только тех предметов, которые имели связь с верованиями и суеверными привычками народа, т. е. занимались гаданием и астрологией. Затем не менее деятельными и ненавистными врагами Шакьямуни были последователи школы Ниргронта. Эта школа отличалась тем, что соединила в одну систему различные способы самоусовершенствования. Она учила трем способам достижения совершенства – просвещению ума, созерцанию и труженичеству. Вступающий в эту школу должен был начать с труженичества и провести несколько лет в произвольных истязаниях для искоренения чувственности. Затем он приступал к глубокому и спокойному созерцанию и, наконец, к упражнениям в размышлении об истинах и просвещении своего ума. Шакьямуни прошел все три степени и во время отшельничества хорошо изучил привычки и тайные побуждения этих аскетов. Последние не могли простить ему презрения, с каким он относился к ним, особенно к труженикам, составлявшим наибольшее число принадлежавших к этой школе аскетов, и платили ему насмешками и обидами, где только возможно. Шакьямуни отвечал им обличениями и не жалел позорных названий для характе-

ристики их поведения.

Враждебные отношения браминов к Шакьямуни ограничивались только ожесточенными нападениями на его учение и оскорблениями его и его учеников. Совершенно иной характер имели преследования, возникшие в среде его учеников и постигшие Шакьямуни уже на склоне его жизни, когда ему было более 60 лет.

Между учениками Шакьямуни был один из его близких родственников, двоюродный брат по имени Девадатта.

Девадатта уже в юности был соперником Шакьямуни во всем и постоянно завидовал успехам и счастью своего двоюродного брата. Девадатта отличался энергичным, самостоятельным характером и был одарен от природы выдающимися умственными и физическими качествами. Но все эти блестящие качества затмевала одна черта характера Девадатты – его необыкновенное честолюбие. Его тяготило зависимое положение среди учеников Шакьямуни несмотря на то, что он благодаря своему обширному уму и необыкновенной строгости жизни пользовался большим значением и уважением среди остальных учеников Шакьямуни, и он задумал занять место Шакьямуни. Девадатта составил себе партию из недовольных почему-либо своим учителем учеников и открыто восстал против Шакьямуни. Несколько раз, по словам легенд, он пытался лишить Шакьямуни жизни, но последний каждый раз счастливо избегал грозившей ему опасности или же отделялся только незначительными ранами или ушибами.

Шакьямуни с большим терпением и кротостью переносил свои бедствия. Братья несколько раз помирились и затем опять расходились. Девадатте удавалось даже склонить на свою сторону и других учеников Шакьямуни, но при посредстве Сарипутты, другого отличавшегося красноречием ученика и действовавшего в пользу учителя, перебежчики

возвращались обратно. Тем не менее Девадатта основал свою секту и является, таким образом, первым лицом, внесшим раскол в учение Шакьямуни. Отличительной чертой сектантского учения Девадатты был введенный им более строгий аскетизм. Он не допускал употребления в пищу рыбы, потому что и она была таким же живым существом, как и другие животные; не пил молока, так как оно предназначено для телят; одежду носил из цельных полотнищ, чтобы не доставлять портным лишнего труда на сшивание лоскутьев; кроме того, он жил постоянно внутри города, тогда как последователи Шакьямуни жили вне городской черты.

Между тем, несмотря на преследования и интриги врагов Шакьямуни, число его учеников и светских последователей все увеличивалось, и его учение все более и более распространялось в массе народа. Со своим учением Шакьямуни обращался не к одним только ученикам, подобно браминам, но ко всему народу без различия каст, что было совершенно новым явлением в Индии.

Брамины учили на языке, не доступном народу, – на языке Вед и ученых. Шакьямуни всегда говорил на языке, понятном толпе, и в форме, легко усваиваемой даже невежественными умами. Как было уже упомянуто, он говорил преимущественно в форме кратких изречений. Все метафизические тонкости своего учения Шакьямуни оставлял для более подготовленных слушателей, желавших разрешить интересовавшие их философские вопросы; обращаясь же к народу, он говорил ему о строгих и чистых нравственных правилах обыденной жизни, и сам первый применял их на деле.

Всего же более в Шакьямуни поражали и привлекали индусов его необычайная кротость, его гуманность, столь противоположные гордости и высокомерию браминов, его безграничное сострадание ко всем бедным, несчастным, угнетенным и, главным образом,

проповедуемые им равенство и солидарность людей. Поэтому в числе его учеников, простиравшемся до 1200 человек, было много людей, известных по своему происхождению, уму, образованию или по строгому образу жизни, но были и люди, совершенно неизвестные, принадлежавшие к кастам низшим, нечистым, до того времени всеми презираемым.

Сделавшись главой значительного числа духовных последователей, Шакьямуни установил правила их жизни и поддерживал эти правила личным примером.

Общество духовных последователей Шакьямуни называлось сангха, члены его – биккху, что значит «нищий», потому что вступившие в общество давали обет соблюдать бедность и не иметь собственности, за исключением, конечно, самых необходимых для жизни вещей. Звание биккху пользовалось большим уважением среди светских последователей Шакьямуни.

Кастового различия в обществе не признавалось – все были равны, и только вступившие в общество раньше имели большее значение, чем вновь вступившие. Кшатрий или брамин, принявший обет биккху после вайшьи и шудры, во всем и везде уступал последнему первенство,

В общине своих учеников Шакьямуни совершенно отверг разного рода произвольные истязания и заменил их строгой нравственной дисциплиной, касавшейся всех мелочей обихода жизни учеников. Он вменил биккху в обязанность вести строгую и приличную жизнь, не нарушая обета бедности. Биккху должен был отличаться прямотушием, правдивостью, быть постоянно ласковым, спокойным и беспристрастным, держать себя с сознанием своего, достоинства. Платье биккху обязаны были носить сшитое из старых, брошенных, но чисто вымытых лоскутьев. Оно должно было быть желтого цвета, шилось по образцу того охотничьего плаща, какой Шакьямуни носил

со времени своего бегства, и постоянно должно было содержаться в чистоте. По примеру учителя, биккху брили голову и подбородок. Все имение биккху заключалось в трех одеждах (по числу времен года), коврике, чаши для подаяний, иголке с нитками и паре чулок с башмаками. До каких-либо драгоценных вещей биккху не должен был и касаться.

В общину имели право вступать все люди, обнаружившие твердое намерение стремиться к спасению, за исключением больных заразными или неизлечимыми болезнями, несовершеннолетних (без разрешения их родителей), рабов, пока они не приобретали свободы законным путем, и тяжких преступников. Также не принимались в сангху должники, пока не уплатили своих долгов, и состоявшие на службе воины и чиновники.

Члены общества жили в монастырях или же вели отшельническую жизнь в лесах. Женщины (биккхуни) жили отдельно от биккху и в образе жизни несколько не отличались от последних, впрочем, с той разницей, что жить в одиночестве им не позволялось.

Жилища биккху и биккхуни находились всегда за городом, в загородных рощах и садах. Шакьямуни благодаря своему знатному происхождению имел легкий доступ к сильным мира сего, и среди них, как мы знаем, у него было много покровителей и данapati, т. е. людей, обязавшихся доставлять ему и его братству средства к существованию. Они-то и дарили ему загородные рощи, где находились жилища его духовных последователей и последовательниц. Эти загородные рощи, занятые учениками и ученицами Шакьямуни, назывались сангхарами, т. е. садами братства. Они находились всегда вне городов и селений. Шакьямуни находил городскую жизнь, с ее постоянным шумом и развлечениями, несогласной со спокойствием духа и глубокими размышлениями, каких требовало звание биккху. Он допускал пребывание в се-

лениях и городах только в продолжение того времени, какое нужно было для сбора необходимого на один день количества пищи, или когда он и его ученики были приглашаемы на званные обеды.

День Шакьямуни и его ученики проводили следующим образом: вставали с проблесками зари и раннее утро посвящали духовным занятиям или беседам. Затем направлялись в ближайший город или селение с чашами для подаяния в руках, с опущенными к земле зорами. При входе в город или селение биккху расходились и шли по улицам, сохраняя глубокое молчание. Они никогда не произносили просьб и только протягивали свои чаши в ожидании подаяния. Они так же спокойно принимали отказ в подаянии, как и богатую милостыню, и брали подаяние без различия состояний, как у бедных, так и у богатых, по порядку домов.

Подаяние состояло обыкновенно из вареного риса или из других каких-либо съестных припасов.

К полудню биккху возвращались обратно.

Одна часть набранных подаяний уделялась бедным, другую предназначали для хищных зверей и диких птиц, остальное же, разделенное поровну на число участвующих, шло на обед.

Остаток дня биккху проводили в беседах или предавались созерцанию в уединенном месте, сидя с поджатыми ногами и держа тело прямо и неподвижно, в позе, какую можно видеть у статуй и на изображениях Шакьямуни. По буддийским легендам, подобную позу имел Шакьямуни еще во чреве матери. Так проводили день Шакьямуни и его ученики, когда жили более или менее продолжительное время на одном и том же месте, что обыкновенно случалось зимой.

Летом, когда наступали периодические дожди и сообщение делалось трудным, Шакьямуни и его ученики расходились по различ-

ным местам во избежание недостатка в питании.

Каждый биккху выбирал себе какую-нибудь деревню и здесь в полном уединении проводил четыре долгих месяца.

Это было так называемое летнее сидение.

По окончании сезона дождей они опять сходились вместе, преимущественно в окрестностях Раджагрихи или Шравасти, где, как было сказано, жили наиболее могущественные и богатые покровители Шакьямуни. Собравшись вместе, каждый из биккху отдавал отчет в своем духовном самоусовершенствовании, достигнутом им в продолжение уединенной жизни. С началом осеннего сезона биккху расходились партиями по Индии для распространения учения. Сам Шакьямуни странствовал в это время преимущественно по Кошале и Магадхе и редко посещал области Западной Индии, колыбель ведийского культа и браминства; границ же собственно Индии он никогда не переходил.

Так прожил Шакьямуни до 80 лет. К концу жизни ему привелось быть свидетелем разгрома его родины и гибели близких ему людей.

Политическое положение царства Капилавасту было шатким, Шакьи испытывали ненависть к могущественному царю Кошалы Прасенаджати и его наследнику Виручжаке. С течением времени эта вражда все более обострялась. Чтобы унижить Виручжаку, Шакьи стали распространять слух, что мать его, Моли, взятая насильно из рода Шакьев, вовсе не принадлежала к этому роду, а была простой рабыней-цветочницей. Кроме того, они не ограничились одними словесными оскорблениями, а несколько раз совершали покушения на жизнь Виручжаки.

Разумеется, все эти обиды возбудили в сердце наследника глубокую ненависть и желание мести – он поклялся жестоко отплатить Шакьям за их гордость и презрение к нему и стереть род их с лица земли.

Вступив на престол по смерти отца, Виручжаки поспешил начать приготовления к войне с Шакьями.

При первых слухах о враждебных намерениях Виручжаки Шакьи обратились с просьбой к Шакьямуни посетить родину, – они надеялись на его влияние в случае крайней опасности. Кажется, что Шакьямуни и сам был не чужд этой мысли и принял горячее, хотя и бесплодное участие в последних событиях истории его отчины. Судьба, до сих пор покровительствовавшая ему, в последнем несчастье отказалась служить ему и не пожалела для него самых жестоких ударов. В надежде отклонить Виручжаку от его враждебных намерений Шакьямуни пошел в Кошалу. На пути он встретил Виручжаку и его войско. Он попытался примирить царя со своей родиной, но эта попытка кончилась неудачно.

Виручжака не внял убеждениям Шакьямуни и продолжал свой поход. Он взял город Капилавасту, перебил всех его жителей, которых было около 100 тысяч, и возвратился с войны с богатой добычей и новым приобретением для своих владений.

Цветущая страна Шакьев опустела и потеряла навсегда свое политическое значение, уцелевшие от резни Шакьи бежали в Непал и другие соседние страны.

Во время разграбления города Шакьямуни вместе с верным Анандой находился невдалеке, в одной из пригородных рощ. До него доносились шум битвы, звуки мечей, крик и вопли сражавшихся и умиравших людей.

«Да исполнится судьба их», – сказал он и, жалуясь на сильную головную боль, лег на землю, прикрывшись плащом; он хотел скрыть от своего ученика овладевшие им скорбь и тоску. Когда враги удалились, он ночью проник в город и бродил по его опустевшим улицам, покрытым развалинами и усеянным трупами его соотечественников. В дворцовом саду, где он играл в детские годы, были раз-

бросаны тела молодых девушек, которым враги отрубили руки и ноги. Некоторые из них были еще живы и издавали жалобные стоны. Шакьямуни жалел и утешал их, обещая им в следующем возрождении лучшую жизнь. Затем он удалился от места горестных сцен.

Странствуя в продолжение 45 лет из города в город и повсюду распространяя свое учение, он перед смертью еще раз посетил город Раджагриху, место начала его учительской деятельности. Отсюда он направился в город Вайшали; здесь, чувствуя, что его земной путь приближается к концу, он обратился к ученикам с речью, в которой просил их ревностно поддерживать его учение и, сохраняя в чистоте, распространять его во всех странах. Вблизи города Вайшали, в деревне Белуво, он отпустил учеников и провел в уединении дождливый сезон года. Здесь он опасно заболел, но, не желая умереть, не поговорив еще раз с учениками, энергично воспротивился развитию болезни и поборол ее. «Не следует мне, – сказал он, – погружаться в нирвану, не обратившись с последней речью к моим ученикам. Присущей мне силой воли я поборю эту болезнь, удержу на время дыхание жизни».

Несмотря на слабость, он по окончании летнего сидения направился к Бхайенагаре, и здесь он еще раз завещал ученикам сохранять и распространять его учение и, кроме того, советовал им относиться терпимо к убеждениям и верованиям других людей. Он убеждал их относиться без всякого предубеждения к словам других людей и с глубоким вниманием обдумывать их, и лишь убедившись в их полной неосновательности, отбрасывать как негодные, в противном же случае принимать как его собственные.

После этой беседы он, сопровождаемый Анандой, направился в страну Малласов, к городу Кушинагаре, где он начал свою отшельническую жизнь.

На пути к Кушинагаре, в городе Паве, он, поев вяленой свинины, предложенной ему Чундой, кузнецом, у которого Шакьямуни обедал, сильно заболел, но, несмотря на болезнь, продолжил свой путь.

Удрученный болезнью, он шел по бесплодным и пустынным местам, изредка обращаясь к своему спутнику со словами, показывающими печальное настроение его духа. Он говорил о недолговечности и о смерти, о непрочности счастья и надежд и оплакивал горестную судьбу людей.

Мучимый сильной болью в спине, которой он страдал всю жизнь, он часто останавливался в пути и отдыхал под тенью деревьев и, наконец, с трудом дошел до окрестности Кушинагары.

Здесь силы совершенно покинули его, он почувствовал сильную, невыносимую жажду. Ананда принес ему воды, чтобы несколько утишить страдания Шакьямуни, и затем приготовил ему ложе из ковра под тенью дерева сала.

Шакьямуни, по индусскому обычаю, лег на него головой на север. Наступали последние минуты жизни Шакьямуни; перед смертью он еще раз завещал Ананде строго хранить его учение и затем погрузился в созерцание.

Ананда с горестью смотрел на предсмертное томление своего брата, друга и наставника, – жизнь постепенно оставляла изможденное тело великого учителя; перед тем как испустить последний вздох, Шакьямуни произнес:

– Ничто не вечно!

Он умер около 543 года до н. э.

По смерти учителя Кашьяпа, занявший его место, собрал вею его метафизику, Ананда – правила морали и афоризмы и Упали – правила аскетике. Устно учение передавалось около 300 лет. Наконец, при царе Ашоке (259-222 гг. до н. э.), после третьего буддийского собора в Паталипутре учение было записано на

пальмовых листьях по приказу царя. Все учение Шакьямуни было собрано в трех книгах, известных под названием «типитака» (три корзины) – Суттра, Виная и Абхидхамма-питака.

В первой заключаются поучения, проповеди и афоризмы Шакьямуни, предназначенные и для духовных, и для светских последователей его учения. Во второй, т. е. в Винае-питаке, содержатся предписания и правила образа жизни биккху, и, наконец, в третьей – Абхидхамме-питаке – находится метафизическая часть учения Шакьямуни, доступная только людям, достигшим высшей степени духовного и нравственного совершенства.

При Ашоке учение Шакьямуни достигло апогея своего развития в Индии и сильно распространилось в соседних странах. К таким странам принадлежат Индокитай, Китай, Япония, Монголия, остров Цейлон и др., где всех последователей учения Шакьямуни насчитывается около 400 миллионов (по другим све-

дениям, всего только 150 миллионов). Но и в тех странах, где буддизму удалось водвориться, он не сохранился в первоначальном виде. Повсюду он смешивался с туземными религиозными верованиями и, таким образом, в течение своего продолжительного существования выродился почти в такую же чудовищную систему нелепых суеверий и жреческого деспотизма, как и браминство.

В настоящее время буддизм распадается на две главные группы – буддизм северный и буддизм южный.

Главным центром северного буддизма является Тибет, а затем Китай, Япония, Непал, Монголия, а также он распространен среди бурят и калмыков. Северный буддизм является полнейшим извращением основного учения Шакьямуни.

Южный буддизм, распространенный в Сиаме, Бирме и на острове Цейлон, сохранил учение Шакьямуни в большей чистоте*.

---

*Сведения конца XIX века.